

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Об элитарном образовании

В России уже существует и набирает силу новый правящий класс, который ныне вряд ли можно определить только одним словом «капиталистический», то есть класс богатых и сверхбогатых людей. Столь однозначное понимание устарело. Ныне правящий класс — явление гораздо более сложное. Да, конечно, как и прежде, в капиталистическом обществе (как его ни назови: постиндустриальное, информационное и т. д.) доминирует элита богатства, но в условиях демократии возросло значение элиты политической и общественной власти, элиты СМИ, элиты знаний. Власть денег как таковых стала гораздо более ограниченной. В современном обществе бал правит не только «золотой телец». Власть рассредоточилась и по другим социальным слоям, которые уже никак не могут обойтись друг без друга в управлении обществом, если они озабочены, чтобы это управление осуществлялось лучшим образом, рассчитывают на устойчивое развитие и сохранение своей власти. При таком подходе (а он отвечает и интересам самого общества) возникает проблема наследования богатств и власти от поколения к поколению этих правящих элит и, следовательно, проблема воспитания и обучения наследников внутри каждой из этих элит. Одним словом, воспроизводство правящего класса через систему элитарного образования — среднего и высшего.

По поводу элитарного образования можно затеять бесконечную дискуссию, ибо она, как принято многими считать, затрагивает вопросы равенства и социальной справедливости. И это на самом деле так. Однако вдаваться в споры я не стану. Ибо в теоретическом плане здесь в общем-то все ясно: проблема эта стара как мир, есть целая отрасль политологии — элитология, литература которой име-

ет своих классиков, начиная с Пифагора, Гераклита, Демокрита, Сократа, Платона и Аристотеля до Ма-

киавелли, Гоббса, Достоевского, Ницше, Бердяева, Парето, Вебера, Тойнби, Фройма, Ясперса и многих других выдающихся мыслителей, философов, социологов, психологов, писателей и т. д. Что существенного можно добавить по этому поводу в одной короткой заметке?..

Меня проблема элитарного образования интересует в сугубо практическом плане, как проблема российская, нынешняя.

Я знаю, что в Москве и Подмосковье, а также в некоторых крупных городах российских регионов существуют очень дорогие частные школы, ежемесячная стоимость обучения в которых колеблется от 1000 у. е. и более. Эти цифры повергают российского обывателя в шок, поскольку для многих — это сумма годового бюджета семьи. А цифра, полученная после умножения этой суммы на 10 месяцев обучения, вызывает злобу и ненависть ко всем, чьи дети ходят в такие школы. Ну и что? То, что в России множество бедняков и нищих — это, конечно, безобразие и позор для государства и властей. Мы можем сколько угодно возмущаться таким положением вещей, но будет лучше, если мы станем все-таки что-то делать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Людей радикальных взглядов, зовущих «народ» (а это и миллионы состоятельных и богатых) к новой социальной революции, сегодня (пока?) немного. Подавляющее большинство смотрит в будущее с социально-либеральных позиций в надежде на то, что государство и частный сектор (прежде всего — богатые) найдут оптимальный вариант взаимоотношений и управления обществом, позволяющий уничтожить нищету и сократить бедность. Пони-

мая, что задача эта очень непроста, я все-таки тоже придерживаюсь этого взгляда и в соответствии с ним строю логику моих рассуждений.

Что мы должны понять прежде всего?

Богатый человек — существо особого рода. Везде и всюду он полагает, что богатство — результат его заслуг, хотя это далеко не всегда именно так. Обычно богатство приобретают люди с низкой душой и ничтожными способностями. В нынешней России мы почти не встретим исключений. Скорое богатство, да еще в таких фантастических масштабах, измеряемых сотнями миллионов и миллиардами долларов, по определению не может быть нажито праведным путем. Для огромного количества, если не сказать, подавляющего большинства, богатство стало школой тщеславия, невежества и разврата. У самых «крутых» миллиардеров богатство породило непомерные политические амбиции и наглость, за что некоторые из них уже заплатились свободой. И практически некого назвать, кто применил бы свое достояние на пользу стране, у которой они его, как правило, попросту украли. Эти люди не имели никаких нравственных принципов до того, как разбогатели, не имеют никаких гражданских убеждений и ныне. Для них Россия — это пастбище, на котором они кормятся, жиреют и гадят. Их души не связаны с Россией, но в их руках — две трети ее богатств. И в этом смысле богатые люди более опасны для современного общества, чем бедные женщины, у которых отсутствует мораль. Женщина изменяет мужу, чтобы получить деньги для семьи; богачи готовы изменить родине, чтобы забрать ее деньги и вывезти в другую страну. Недавно один из заместителей Председателя СПС заявил с экрана телевизора: «Мы будем «валить» Путина. И если не свалим его, то останется одно — валить из России». Разумеется, с деньгами, которые уже давно лежат у них в зарубежных банках.

На мой взгляд, ситуация драматическая, острота ее просто недооценивается. Но в данном случае, я хочу говорить не о том,

как удержать национальное богатство в России — это тема особого разговора, — а о том, как сделать так, чтобы в будущем, если первую задачу удастся решить, эти богатства были использованы с пользой для страны. Смысл разговора в том, как сделать наследников нынешних богачей более умными и мудрыми, более нравственными и умеренными. Богатые тоже смертны. Это ясно даже им самим. Проблема наследования для них ныне, быть может, самая главная из всех. И тут интересы нормальных, богатых людей и интересы общества совпадают.

Я говорю «нормальных» богатых, а не богатых вообще и, тем более, самых богатых, потому что эти «выходцы из народа» никогда уже в народ не вернуться. Проблему воспитания и обучения наследников своих богатств они решают самостоятельно и никогда никому ее не доверят. У Р. Абрамовича пятеро малолетних детей; у Б. Березовского — шестеро; у М. Ходорковского — четверо; у В. Потанина — трое. Никто не слышал, чтобы дети этих и других олигархов посещали ясли, детский сад или обычную школу. Это же относится и к детям многих других богатых родителей. Дело даже не в безопасности, которую богатые по понятным причинам вынуждены ставить на первое место. Массовое дошкольное и школьное образование находится ныне на столь низком уровне, что все, кто может, обучают детей в частных школах или на дому. Более того, некоторые, как это сделала глава корпорации «Интеко» Елена Батурина (капитал более 1 млрд. долл.) создала собственную частную школу, в которой учится ее дочь.

Старшие дети олигархов (у кого они есть и уже закончили школу) поголовно все учились или учатся в зарубежных университетах. Старший сын М. Ходорковского Павел — в Гарварде (США). Дочь В. Вексельберга «грызет гранит науки» в Йельском университете, а сын — в высшей школе Fieldstone в Нью-Джерси (США). Дочь Б. Березовского училась в Кембридже. Многие сотни, а может и тысячи детей богатых родителей учатся в университетах США, Ве-

ликобритании, Франции, Германии и других стран. Причины все те же: безопасность и низкое качество образования в российских вузах, даже по старинке престижных.

Хорошо или плохо то, что дети богатых детей учатся за рубежом? Конечно, есть немало очевидных плюсов, о которых и говорить даже не стоит. Но есть один огромный минус, который в контексте нашего разговора о том, как сделать так, чтобы богатства богатых россиян оставались в России и «работали» прежде всего на Россию, на повышение благосостояния ее граждан, перекрывает все эти плюсы. В конечном счете, может получиться так, что наследники богачей переплунут своих «отцов» в их пренебрежении к стране, которая дала им это богатство. В американских, английских, немецких и французских университетах их никто не будет учить пониманию того, как спасти Россию и любви к ней. С какой стати? Напротив, за пять-шесть лет обучения они пропитаются тем высокомерием и презрением к нашей стране, которые сознательно (почему — другой вопрос) культивируются в странах «золотого миллиарда». И выйдет так, что богатства России, которые уже сейчас в сотнях миллиардах долларов находятся на счетах западных банков и работают на другие страны, будут еще быстрее утекать из России.

Примеров уже и ныне предостаточно. Вот один из них.

Все знают симпатичную певичку Алсу — дочь в недавнем прошлом вице-президента ЛУКОЙЛа, а ныне — члена Совета Федерации РФ от Алтайского края Ралифа Сафина. Но никто не знает, что у сенатора есть еще и 28-летний сын — владелец 4 сахарных заводов и кондитерской фабрики... в Молдавии. Куплены они, разумеется, на деньги отца: 12 млн. долларов плюс инвестиции в реорганизацию производства. Сам сын, окончивший Лондонскую школу экономики, в основном живет в Лондоне, а российские нефте-доллары работают на Молдавию.

Еще пример. Был такой некогда широко известный, а ныне всеми забытый банкир-

миллиардер Александр Смоленский. После скандалов он отошел от дел, оставив сыну Николаю остатки своего банковского бизнеса на сумму 2,9 млрд. долларов. Как распорядился ими наследник? Купил за 8 млн. фунтов дом в Лондоне и английскую компанию TVR, выпускающую элитные модели спортивных автомобилей ручной сборки. Не российскую компанию, английскую...

Проблемы, возникающие внутри данного слоя, богатых и сверхбогатых людей, носят характер общественных, государственных. Это «высший класс», это замкнутый круг, у которого свои обычаи и традиции, свои интересы, один из которых состоит в том, чтобы дать своим детям, особенно, первым наследникам самое высококлассное образование. В этом случае большинство родителей с высоким материальным достатком за ценой не стоят, готовы платить по максимуму, было бы за что.

В нынешней России это стремление наталкивается на возмущенное «общественное мнение». Речь идет о неравном доступе к образованию, о клановости, социальной селекции на основе материального неравенства и т. п. Да, это так. Но может ли быть иначе при данных обстоятельствах, когда богатые уже есть? Каждый слой общества, более того, семья воспроизводит себя через систему образования: художники отдают своих детей в художественные школы и вузы, музыканты — в музыкальные, военные — в военные, киношники — в киношные, актеры — в театральные и т. д. И не все дети великих — Репины, Чайковские, Щепкины и Станиславские. Что же удивительного в том, что отец, автомобилестроитель или банкир, хочет видеть сына преемником своего дела и своих богатств? Выступать против этого может только глупец или ханжа.

Для меня вопрос в другом: чему хочет научить отец своего сына, каким мечтает воспитать его? Сегодня есть вещи общего и безусловного плана, к которым стремятся все: знать иностранный язык, а лучше два-три, основы экономики, владеть компьютером, а также некой суммой специальных знаний.

Запросы не бог весть какие, но удовлетворить их в полной мере могут далеко не все российские вузы, а лишь часть их. И уже это служит основанием для того, чтобы состоятельный родитель отправлял свое чадо учиться за границу.

Но если мы говорим о нормальном российском предпринимателе, сознающем, что как богатый или добившийся больших успехов в политике, управлении, медиа или шоу-бизнесе человек, он входит в высшую элиту общества, то естественно, если он хочет, чтобы его наследник углубленно изучил основы общечеловеческой и отечественной культуры, получил возможность проявить свои творческие и физические способности, развил свой эстетический вкус, приобрел понятия и навыки этикета и т. п. Требовать этого от подавляющего большинства российских вузов нынче было бы странно. И это еще один аргумент в пользу того, чтобы дать наследнику заграничное образование, хотя заранее ясно, что вернется он в Россию (если вернется!) не только с иностранным языком, но также с иностранным взглядом и отношением к происходящему в ней. И будет ли он тем наследником, о котором мечтал отец?

Существует, наконец, еще одна немаловажная причина, по которой вузы «массового производства специалистов» не устраивают состоятельных потребителей: здесь мало интересуются отдельно взятым студентом. Между тем, немалая часть детей из богатых семей крайне нуждается в индивидуальном подходе. Не только потому, что богатство родителей никому не гарантирует ум и способности. Наоборот, дети состоятельных семей хорошо питаются, одеты и обуты, у них есть все, что захочется. Зачастую уже в детстве и юности настолько избалованы, что им ничего не хочется. В том числе не хочется учиться. Зачем? Материальные потребности вполне удовлетворены, духовные слабы, а то и отсутствуют. Пороки «золотой молодежи» во все времена схожи. Нынче к ним добавились еще наркотики, культ секса и т. п. Первой педагогической задачей

становится формирование мотивации в получении образования. А это дело крайне трудное, предполагающее именно индивидуальный подход: изучение особенностей конкретной личности, поиск подходов к его уму и душе. Традиционными способами («двойка» — «пятерка», нотация — похвала, публичное осуждение) тут ничего не добьешься. В этом случае с молодым человеком надо, как говорится, возиться. В обычной школе, в обычном вузе это невозможно.

И еще. Массовое и узкоспециализированное образование готовит специалиста, исполнителя, «человека-винтика», «человека-функцию». Между тем, молодое поколение высшего класса, в частности, богатых семей, должно обладать лидерскими качествами. Эти качества не передаются по законам генетики, даже если отец обладает ими. Они воспитываются, формируются.

Равно как знатное происхождение и богатство еще не гарантия подлинной элитности. Идеальный вариант — единство аристократического происхождения, личного богатства, ума, творческих способностей и успехов. Но я-то говорю о российских реалиях. Откуда возьмется аристократизм у нувориша?

В современном российском обществе, если оно претендует называться демократическим, наряду с государственной должна существовать независимая от него система образования, которая была бы сориентирована прежде всего на частный сектор, на рыночную экономику. Частный сектор должен быть представлен в законодательных органах государственной власти, иметь свои политические партии, молодежные организации, свои (частные, независимые) СМИ, свою негосударственную (в том числе частную, независимую) систему среднего и высшего образования, где в основном и должны обучаться и воспитываться дети наиболее состоятельной части среднего и высшего классов. Обращаю внимание на слово «воспитание», с помощью которого в сознание новых поколений привносится идеология частного предпринимательства, духов-

ные и нравственные ценности общественных элит.

Абсолютно убежден, что государственное, да еще массовое и узкоспециализированное образование такую задачу никогда не будет ставить, а если «вдруг» какой-то ректор вуза решит это сделать, то у него ничего не выйдет. Ибо для этого необходимо иметь известное и немалое количество преподавателей определенной идеологической, частнособственнической закваски. Но откуда их взять в российских госвузах? Как могут они в одной аудитории славить силу частного капитала, а перейдя в другую, возвеличивать роль государства? И почему на налоги миллионов наемных работников, за счет которых содержится государственное образование, должны обучаться и воспитываться дети тех, кто сегодня управляет ими, а завтра будут управлять уже сами нынешние дети? Конфликт низших слоев общества с высшим образованием в современной России вполне ощутим и еще неизвестно, во что он выльется. Если элита, захватившая власть, богатство и престиж, начнет укреплять свои позиции за счет непривилегированных групп, конфликт неизбежно углубится и обострится, может привести к социальному взрыву. Мнение, что богатые обучаются в госвузах вместо бедных и за их счет, имеет широкое хождение. И для этого есть немало оснований. Скажем, дать взятку в 25–30 тысяч долларов за поступление в «престижный» госвуз, а потом тянуть за деньги свое чадо еще пять лет обучения, бедная семья не в силах.

Подавляющее большинство граждан России убеждено, что высшее образование должно, во-первых, способствовать развитию человеческих ресурсов общества; во-вторых, создавать механизм селекции индивидов исключительно в соответствии с их способностями и талантами; в-третьих, готовить специалистов для тех видов деятельности, к которой они наиболее способны, и тем самым служить своеобразным «лифтом», позволяющим человеку низшего слоя подняться на любой высший этаж любой из

элит. Иными словами, наше нищее и раздраженное общество готово принять идею социальной селекции только на основе интеллектуальных способностей, творческих талантов и личных достижений человека и напроочь не приемлет идею попадания в элиту согласно предписанному статусу, принадлежности к определенному слою высшего класса. Только наиболее способные должны достигать самых ответственных, элитных позиций. Я тоже за это. Но вот беда: в жизни все выходит совсем по-другому. И всегда по-другому выходило. И будет выходить. А с жизнью следует считаться.

Может показаться, что я ломлюсь в открытую дверь: в России уже скоро 15 лет существует сектор негосударственного образования; среди негосударственных вузов около трети — частные. Может показаться, что это вполне негосударственные, вполне свободные и вполне независимые учебные заведения. Увы, в России многое только кажется: рынок, демократия, свобода...

На самом деле подавляющее большинство вузов этого типа в главном и основном — в содержании образовательных услуг — самые что ни на есть государственные, так как работают в жестком поле государственных образовательных стандартов (ГОС). Шаг вправо, шаг влево — и ты не получил госаккредитацию, а с этим — право на выдачу госдиплома, иначе говоря (в глазах потребителя) — ты банкрот, ты плохой. Потому что как бы и сколько бы ни издевалось российское государство над своим гражданином, гражданин государство любит, только ему доверяет, только в него верит. Любит и верит бессознательно, безотчетно. Может, потому, что больше верить некому? Ведь большинство негосударственных вузов, в том числе частных, — обычные (а чаще еще более слабые) госвузики по производству кадрового и человеческого ширпотреба. Заявляя, что они готовят «специалистов будущего», «кадры XXI века» и тому подобную чушь, они совершенно не отдают себе отчета в том, что в негосударственном образовании есть своя социальная потребность, необходимость

удовлетворения которой и вызывает к жизни этот образовательный феномен; что у негосударственных вузов есть своя социальная функция, одним из важнейших элементов которой является в развитом обществе — поддержка стабильности и воспроизводство элиты общества и прежде всего его частного сектора, высшего класса. В тех же Соединенных Штатах Америки такие элитные школы как Гронтон и Сен-Поль и такие элитные университеты как Гарвардский, Колумбийский, Йельский, Принстонский; такие элитные средние учебные заведения как Итон и Хэрроу и такие элитные университеты как Оксфорд и Кембридж в то же самое время являются и элитарными. Правильнее сказать — были элитарными, то есть закрытыми и с лучшими в этих странах и в мире вузами, потом (по мере демократизации общества) стали более открытыми настолько, что ныне почти половина обучающихся в этих вузах — из низшего класса, а качество образования, как и плата за обучение, по-прежнему наивысшее.

Подчеркну очень важное обстоятельство: элитные (high quality education) и открытые учебные заведения родились из ныне элитарных, закрытых, когда-то доступных только для детей знати и богачей. Такова логика развития образования от древнейших времен до нынешнего дня во всех странах мира. Демократизация общественной жизни вносит свои коррективы, но не в силах отменить этот закон; политика не в состоянии запретить экономику и власть богатства, которое имеет свойство концентрироваться в руках меньшинства, управляющего большинством. Стабильное воспроизводство качественной элиты обеспечивается системой контролируемых ею качественных учебных заведений. Союз элиты знаний и бизнес элиты создает элиту элит, сверх элиту.

России только предстоит в ускоренных темпах (с учетом общеисторического опыта) пройти этот путь. Первые шаги по дороге капиталистического строительства наша страна совершает в тот момент, когда формирование элит в развитых странах проис-

ходит по двум каналам: 1) через открытое продвижение на вершине правящих элит люди, обладающих выдающимися способностями и талантами, 2) через систему закрытого рекрутирования в элиту по признакам знатности, богатства и связей родителей. Но если на Западе, где существует действительно элитное образование, реальный рынок и развитая демократия, все большее значение имеет первый канал, то в России, где т. н. элитные вузы — это фикция, а демократия и рынок имеют приставку «псевдо», высшие должности, места в политической, деловой, медийной и других элитах занимают на основе личных знакомств по принципу «свой — чужой» или просто покупаются за деньги. Родные дети получают должности, власть и богатства как в Древней Руси — по праву наследования, без учета специальных знаний, способностей управлять и необходимых нравственных установок.

Когда говорят о том, что в США — лучшее в мире образование, то это правда лишь в том смысле, что в США из 3535 вузов есть около 50 прекрасных университетов, в которых обучается около 10% всех студентов. Именно эти университеты — сливки американского образования, а их выпускники — гордость Америки. Большинство остальных университетов США весьма средние, а то и откровенно слабые.

Когда говорят о растущей конкуренции на мировом рынке образовательных услуг, то надо понимать, что речь идет о конкуренции элитных вузов. Состоятельные родители заинтересованы в качестве образования и готовы платить за него высокую цену. По другому качеству не добиться. Это поняли и в Западной Европе, которая проигрывает соревнование американской образовательной системе именно в элитном образовании, которое стоит в США в 4–5 раз дороже, чем в Европе. На мой взгляд, государства всеобщего благоденствия Европы стоят на пороге бурного развития дорогого частного образования, т. к. сами они увеличить в несколько раз расходы на образование не в состоянии. В России власти усиленно ищут выход

из кризиса образования. Еще недавно говорили о необходимости выделить из 624 госвузов сначала 50, потом 30 и, наконец, 20 ведущих с тем, чтобы начать их усиленное финансирование. Это такие вузы как МГУ, ЛГУ, МГТУ им. Баумана, Финансовая академия, МГИМО и несколько им подобных, которые в глазах российского потребителя имеют имидж элитных. Идея встретила яростное сопротивление со стороны ректорского корпуса.

18 июля 2005 года Министерство экономического развития и торговли РФ внесло в Правительство РФ проект концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы. В нем вузы подразделяются на 4 категории.

1. **Общенациональный университет** — высший статус учреждения или организации высшего профессионального образования, который планируется присваивать вузам, прошедшим процедуру соответствующей аттестации. В настоящий момент указывается, что вуз, претендующий на получение столь высокого статуса должен быть культурным и интеллектуальным центром, проводить фундаментальные исследования, осуществлять перспективные разработки в области образования, в полной мере быть проводником процесса интеграции науки и образования. Законодательное утверждение данного статуса находится на стадии планирования.

2. **Базовый (систематизирующий) вуз** — статус учреждения или организации высшего профессионального образования, который планируется присваивать вузам, прошедшим процедуру соответствующей аттестации. В настоящий момент указывается, что вуз, претендующий на получение данного статуса должен быть лидером в подготовке кадров для той или иной отрасли по качественным показателям. Законодательное утверждение данного статуса также находится на стадии планирования.

3. **Интегрированное учебное заведение** — термин, обозначающий учреждение или организацию образования, как правило, про-

фессионального, реализующее образовательные программы разных уровней: например, вуз, который наряду с программами высшего профессионального образования реализует программы среднего и начального профессионального образования или дополнительного образования взрослых, имея в рамках своего юридического лица профессиональный колледж или институт повышения квалификации.

4. Остальные вузы, которые не попали ни в одну из названных категорий.

В Концепции подчеркивается, что «будет обеспечено опережающее развитие национальных и системообразующих вузов, как центров интеграции науки и образования для подготовки элитных высокопрофессиональных кадров».

Вводится также понятие «исследовательский университет» (или учебно-научно-исследовательский комплекс) — в случае, когда вуз не является университетом — (законодательное утверждение данного статуса находится на стадии планирования). Как известно, в США используется так называемая «классификация Карнеги», согласно которой все университеты и колледжи делятся на шесть категорий, и высшая как раз называется исследовательским университетом. Они характеризуются широким набором учебных дисциплин, имеют в своем составе аспирантуры, присуждают не менее 50 докторских степеней (PhD) в год и получают государственное финансирование на выполнение научных исследований не ниже определенного уровня (не менее 15,5 млн. долл. в год). Отнесение университетов к исследовательским происходит по факту, а не задается директивно и не сопровождается предоставлением каких-либо льгот.

В Российской Федерации концепция создания исследовательских университетов только начинает серьезно прорабатываться.

В данном случае имеется в виду в первую очередь создание новых структур на основе добровольной интеграции университетов и академических институтов, а также государственных научных центров.

Возможно, этот эксперимент в долгосрочном плане будет иметь положительные результаты, хотя вряд ли он полностью решит проблему элитного, а тем более элитарного образования. Еще раз скажу: философия государственного и негосударственного, особенно частного, образования находятся в принципиальном, серьезном противоречии. Подготовка кадров для частного бизнеса в государственном вузе — это нонсенс.

Тем не менее, подход властей в этой области определился, и негосударственные вузы должны осознать всю серьезность своего положения в принципиально меняющейся образовательной ситуации. В том числе, и с учетом того, что о существовании такого рода учебных заведений (как средних, так и высших) в концепции не сказано ни слова. Еще один пример того, сколь своеобразно понимают российские власти слова «де-

мократия», «свобода предпринимательства» и т. п.

У состоявшихся, продвинутых, сильных негосударственных вузов, способных конкурировать с лучшими госвузами, нет другого выхода, как крепить свой союз, координировать свою деятельность. Они тоже должны исповедовать идеи ускоренного и опережающего развития, ухода в отрыв от конкурентов; у них нет иного выхода, как искать себе союзников в лице среднего и крупного бизнеса, всех видов элит, исходя из того, что они, как агенты гражданского общества, а не государство, должны определять вектор и характер общественного развития, решать вопросы о том, как им развиваться. Элита знаний должна осознать неизбежность такого выбора, а бизнес — элита во всех ее ипостасях, понять, этот союз нужен не меньше. Вопрос стоит так: «Вы хотите жить в будущем?.. Объединяйтесь!»